

Свойства криптовалюты как антифидуциарных денег в качестве инструмента измерения доверия общества к власти

Антончева О. А.^{1, *}, Апанасенко Т. Е.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

²Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Использование показателя доли криптовалюты в общей денежной массе в качестве инструмента измерения доверия общества к власти позволяет провести объективный анализ с помощью экономических, финансовых показателей для того, чтобы дать им социологическую оценку и выработать рекомендации для создания технологий управления доверием.

Рассматриваются свойства криптовалюты как антифидуциарных денег, доказываются, почему увеличение доли криптовалюты в денежной массе может рассматриваться как признак снижения доверия общества к государству. Анализируются перспективы возникновения статистики, позволяющей отслеживать динамику доли криптовалюты в денежной массе. Демонстрируются преимущества предлагаемого инструмента измерения доверия по сравнению с социологическим опросом, социологическим экспериментом и введением косвенных институциональных показателей.

Ключевые слова: доверие, государство, общество, криптовалюта, фидуциарные деньги, социологические методы

Для цитирования: Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Свойства криптовалюты как антифидуциарных денег в качестве инструмента измерения доверия общества к власти // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 74–82.

Properties of Cryptocurrency as Antifiduciary Money as a Tool for Measuring Public Confidence in Power

Olga A. Antoncheva^{1,*}, Tatiana E. Apanasenko²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

²Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The use of the cryptocurrency share indicator in the total money supply as a tool for measuring public confidence in authority, allowing you to conduct an objective analysis using economic, financial indicators in order to give them a sociological assessment and develop recommendations for creating confidence management technologies.

Cryptocurrency properties as antifiduciary money are considered. It is proved why an increase in the share of cryptocurrency in the money supply can be considered as a sign of a decrease in public confidence in the state. The prospects of statistics that allow tracking the dynamics of the cryptocurrency share in the money supply are analyzed. The advantages of the proposed confidence measurement tool compared to sociological survey, sociological experiment and introduction of indirect institutional indicators are demonstrated.

Keywords: public confidence, State, society, cryptocurrency, fiduciary money, sociological methods

For citing: Antoncheva O. A., Apanasenko T. E. Properties of Cryptocurrency as Antifiduciary Money as a Tool for Measuring Public Confidence in Power // Administrative consulting. 2020. N 10. P. 74–82.

Тема измерения доверия общества к власти является чрезвычайно актуальной, о чем свидетельствуют многочисленные исследования.

В качестве инструментов измерения социального доверия предлагаются, в основном, социологический опрос и социологический эксперимент. Так называемый экспериментальный способ измерения уровня доверия представляет собой игровую модель, основанную на допущении о рациональности поведения действующих лиц, в рамках которой рассчитывается отклонение от прогностических данных оптимизированного поведения участника [9; 27; 15; 24, 17; 18; 11, с. 136]. Это отклонение и определяет уровень доверия. Другими словами, доверием считается все, что отклоняется от оптимизированного поведения, в основе которого лежит расчет.

Ввиду погруженности исследователя в проблематику объекта исследования при социологическом опросе и условности экспериментального метода, «ответы опросов не всегда коррелируют с результатами экспериментов» [11, с. 136; 22].

Помимо опросного и экспериментального инструментов измерения доверия, которые, при всех их недостатках, тем не менее, позволяют измерить доверие прямым способом, есть еще косвенные методы измерения доверия. Для создания таких инструментов предполагается ввести в анализ какие-либо объективные показатели, не имеющие прямого отношения к объекту исследования. Это, к примеру, эффективность социальных программ [8]; социально-экономические критерии [11, с. 133; 7]; участие в политической жизни; формы развития гражданского общества [11, с. 133]; членство в неправительственных организациях; активность избирателей; количество читателей газет; членство в хорах и футбольных клубах (по мнению Р. Пантэма [10, с. 17]); уровень преступности и количество разводов [12; 20]. В рамках направления, заданного Ф. Фукуямой, измерением доверия (недоверия) становится любое проявление социальных дисфункций или отсутствие социальной кооперации: количество убийц на определенное количество жителей; количество беспризорных детей; индекс коррупции [7]. По аналогии инструментом измерения доверия может быть и любое проявление экономических дисфункций: количество денег как средства накопления; показатели налоговой дисциплины; объем вывоза из страны капитала [3, с. 46]. Условность таких косвенных индикаторов очевидна, несмотря на то, что они и являются объективными.

Если говорить об экономических показателях, то непосредственно измеряют доверие все фондовые индексы. Однако они очень подвержены психологическим и спекулятивным манипуляциям. Крупным биржевым игрокам, преследующим собственные цели, политическим деятелям и ньюсмейкерам ничего не стоит сильно повлиять на индексы, качнуть их в ту или иную сторону. Например, выступление главы ФРС Алана Гринспена 10 декабря 1996 г. вызвало падение индекса Dow Jones более чем на 140 пунктов, обвал котировок ценных бумаг на мировых фондовых рынках и потрясение на большинстве товарных рынков¹. Это, скорее, инструмент измерения краткосрочного доверия к отдельным действиям государства.

Прямым инструментом, лишенным условности игровой модели, является социологический опрос. Тем не менее он в той или иной степени страдает определенной неточностью в силу того, что исследователь, составляющий алгоритм опроса, сам погружен в проблематику исследуемого объекта. Это фундаментальная, эпистемологическая проблема социологии [30; 7]. Объективисты-классики предлагают методы для достижения хотя бы претензии на объективность [32; 4; 5; 28; 29; 16; 21; 1; 31], а постмодернисты-классики постулируют недостижимость объективности социологического исследования [26; 23; 25; 13; 2; 14; 19]. Конечно, за счет того, что социологический опрос позволяет получить данные, характеризующие настроения масс, он приобретает более объективное содержание. При этом многое зависит от

¹ Коммерсант. 11.12.1996. С. 11.

методики. Опросы, проведенные по разным методикам, отличаются друг от друга по результатам, составление же методики вовлекает в процесс субъективность исследователя. Поэтому логично предположить, что более точный инструмент измерения социального доверия должен обладать полной объективностью. Это возможно, если исключить субъективность исследователя при составлении алгоритма социологического исследования. При этом он должен быть прямым, а не косвенным.

Таким инструментом, по нашему мнению, является доля фиатных денег в денежной массе. Этот показатель не зависит от позиции исследователя и находится в центре внимания междисциплинарных исследований. И он прямо измеряет доверие, как это явствует из самой его сущности.

Фиатные деньги

Фиатными (также декретными, от лат. *fiat* — декрет, фидуциарными от лат. *fiducia* — доверие) деньгами являются обязательства государства обеспечить знаки этих обязательств, выпускаемых от его имени центробанком в бумажной, монетной или электронной форме, материальными благами, имеющими потребительную стоимость. Очевидно, что все современные национальные валюты являются фиатными, т.е. основанными на доверии, доверии к тому, что государство сможет обеспечить свои обязательства материальными благами.

До появления денег в бумажной форме, т.е. в форме обязательства эмитента обменять это обязательство на золото, деньги в форме золота были не знаком стоимости, а воплощали собой стоимость, и речь о том, что они могут символизировать доверие, не шла. Когда деньги превратились в знаки обязательств обеспечить их материальными благами, они приобрели фидуциарную природу. Первоначально — до возникновения центробанков — бумажные деньги (банкноты) представляли собой обязательства наиболее авторитетных банков. Будут ли приняты такие банкноты к оплате или нет, определялось уровнем доверия общества к эмитенту, т.е. к конкретному частному банку. С появлением центробанков и захватом государством монополии на выпуск банкнот деньги стали символизировать доверие общества к тому, что государство способно отвечать по своим обязательствам, поддерживать свое существование и выполнять свои основные функции.

Деньги, хотя они и обрели фидуциарную природу, не могли в полном смысле слова символизировать доверие общества к власти. В самом деле, обязательными к приему в качестве средства платежа были исключительно банкноты центробанка. Пользователи денег были вынуждены иметь дело исключительно с государственными деньгами, поскольку прием их в качестве средства платежа был обеспечен на законодательном уровне с помощью принудительной силы, какой обладает государство.

Эмитент альтернативных средств платежа, если бы такой появился, должен был бы иметь слишком высокий авторитет, чтобы его обязательствам верили так же, как верили обязательствам государства. За верой в обязательства государства стояло принуждение, а обязательства гипотетического эмитента были бы обеспечены исключительно верой в него самого. Отсутствие альтернативы не позволяло государственным деньгам быть абсолютным мерилom веры в государство, не основанной на принуждении. Поэтому фидуциарные государственные деньги, скорее, были символом веры общества в то, что государство способно поддерживать свои функции принуждения, а не в то, что государство способно выполнять все свои функции вообще, т.е. служить во благо обществу.

Банкноты умирающего государства переставали пользоваться спросом. В этом случае фидуциарные деньги в полной мере выполняли функцию измерителя веры в государство. Они теряли привлекательность, следовательно, общество не верило, что государство может принудить их использовать. Это означало, что общество

не верило, что государство все еще способно осуществлять свои принудительные функции. Косвенно это также подразумевало, что общество не верило, что государство способно осуществлять свои функции вообще.

В менее очевидных случаях требовался более тонкий инструмент измерения уровня доверия общества к государству с помощью спроса на деньги.

Таким тонким инструментом в условиях монополии центробанков на эмиссию национальных денег стал спрос на национальную валюту, преимущества одной валюты по отношению к другой. В международном масштабе государственное принуждение отсутствовало. Нельзя сказать, что принуждения и некоторого ограничения свободного выбора не было вообще. Определенное ограничение свободы выбора состояло в объективных, материальных обстоятельствах, например, необходимость отдавать предпочтение валюте торгового партнера, который принимает платежи только в ней. В этом случае выбор в пользу определенной валюты предопределялся обстоятельствами субъекта выбора, а не его доверием к государству-эмитенту валюты. В остальных случаях привлекательность национальной валюты была мерой авторитета ее эмитента, доверия международного сообщества к тому, что данное государство способно отвечать по своим обязательствам, адекватно функционировать, располагать легитимностью своих органов власти.

Такое положение вещей выступило особенно ярко после крушения Бреттон-Вудской системы, когда ни одна национальная валюта не осталась привязанной к стоимости какого-либо материального блага, и курс национальной валюты в полной мере стал отражать авторитет ее эмитента у международного сообщества.

Особенно это показательно по отношению к американскому доллару. Очевидно, что такие показатели макроэкономики США, как размер государственного долга, дефицита государственного бюджета, и отрицательного сальдо торгового баланса не позволяют говорить о том, что национальная валюта США обеспечена материальными благами стоимости, эквивалентной той, что воплощена в сумме обращающихся американских долларов. Это обстоятельство не мешает данной валюте иметь высокий авторитет и выполнять функции мировых денег. Особенно успешно доллар США в качестве мировых денег осуществляет функцию средства накопления, о чем свидетельствует высокий процент долларовой формы золотовалютных резервов ряда стран. Данный факт отражает авторитет эмитента долларов, доминирующую позицию США на международной арене.

Таким образом, спрос на национальную валюту в международном масштабе в какой-то степени может служить инструментом измерения уровня доверия международного сообщества к государству-эмитенту валюты. В национальном же масштабе деньги являются фидуциарными лишь формально. Спрос на такие деньги не может быть инструментом измерения доверия общества к государству, пока у них нет альтернативы.

Альтернатива фиатным деньгам

Однако в последнее время альтернатива у фиатных денег появилась. Это деньги, выпуск которых основан на системе блокчейна, другими словами, на распределенном хранении информации о транзакциях. Речь идет о криптовалюте.

Блокчейн представляет собой информационную технологию, основанную на определенном протоколе, т.е. стандарте, описывающем правила взаимодействия функциональных блоков при передаче данных. Такой протокол обеспечивает распределенный контроль (определенный метод доступа к базе данных) над переводом активов посредством интернета. Распределенный контроль означает, что информация о транзакциях не сосредоточена на центральном сервере, а хранится на компьютерах всех пользователей блокчейна, что упрощает ее проверку каждым пользователем

и усложняет манипулирование ею со стороны участника, который мог бы попытаться захватить централизованную власть в данной системе.

Блокчейн основан на цепочках транзакций, объединенных в блоки, информация о которых хранится в распределенной сети. При этом каждый последующий блок хранит информацию обо всех более ранних блоках — для манипулирования информацией необходимо изменить ее во всех последующих блоках, что очень сложно с технической точки зрения.

Таким образом, блокчейн позволяет устранить потребность в централизованных операторах для хранения и передачи финансовой информации и, шире, информации о правах собственности (а потенциально, при использовании всех его возможностей — любой другой информации — гражданстве, праве голоса, форме участия в выборах и т. д.).

Другими словами, блокчейн позволяет системе, функционирующей на основе его технологии, освободиться от любой централизации. За счет этого потенциал блокчейна как инструмента финансовых операций очень высок и выходит далеко за пределы популярных сегодня криптовалют. Блокчейн применяется, в частности, для контрактов, в которые включена возможность их автоматического выполнения (так называемых «смарт-контрактов»). Блокчейн позволяет вести децентрализованный учет активов. Более того, технологии блокчейна теоретически являются основой реализации прямого самоуправления без функции государственного принуждения в самом широком смысле этого слова. Блокчейн с его развитием может стать технологической основой для реализации самых смелых утопий. Например, утопии об отмирании государства: блокчейновые технологии позволяют отменить функцию централизованного контроля и принуждения и передать ее каждому участнику системы. На этой почве способна реализоваться и утопия негативистских прав человека, т. е. основанных не на политическом участии гражданина, а обеспеченных невмешательством государства в жизнь гражданина: блокчейновые технологии не требуют никакого вмешательства государства. Блокчейновые технологии позволяют передать контроль над коллективом индивиду, каждому индивиду, составляющему коллектив, что означает реализацию утопии об освобождении индивида от угнетения социумом.

Рассмотрим деньги, эмиссия которых основана на использовании блокчейна (криптовалюту), т. е. деньги, появившиеся благодаря децентрализованной эмиссии. Эти деньги можно назвать антифиатными, поскольку современные криптовалюты не имеют других достоинств, кроме свободы от произвола центробанков. Это очень высокорисковые активы с очень дорогой эмиссией, и главное их предназначение — бегство от государства. Поэтому — теоретически — повышение удельного веса антифиатных денег в общей денежной массе (т. е., понижение удельного веса фиатных денег) может служить инструментом измерения уровня доверия (а точнее, уровня недоверия) общества к власти.

Перспективы измерения доверия с помощью криптовалюты

На сегодняшний день статистических данных о доле криптовалюты в денежной массе в страновом разрезе не существует. В русскоязычных ресурсах авторам удалось найти одну-единственную оценку. Это оценка аналитического кредитного рейтингового агентства АКРА. «По оценкам АКРА, рыночная стоимость криптовалюты, приходящейся на экономику РФ и находящейся у резидентов, на первый квартал 2018 г. составляет 7,5–14 млрд долл., или 1–2% денежной массы М2»¹.

¹ АКРА. Концентрация владения криптовалютой в России нивелирует риски для финансовой системы страны. 07.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/765> (дата обращения: 21.06.2020).

Однако свою методику АКРА не раскрывает, и оценки по периодам, позволяющие образовать временной ряд, не приводит. В иностранных источниках авторам не удалось встретить ни одной подобной оценки.

Существует две причины отсутствия статистики доли криптовалюты в денежной массе в страновом разрезе. Первая — сложность нахождения данного показателя именно в страновом разрезе из-за «непрозрачности рынка, анонимности пользователей, а также использования криптовалюты в трансграничных расчетах»¹. Вторая — даже повышающаяся доля криптовалюты в денежной массе пока не представляет угрозу для официальных финансовых институтов, поэтому последние не слишком заинтересованы в создании столь нужной для измерения доверия статистики. Угрозы нет, поскольку весь объем криптовалюты сконцентрирован у малого числа владельцев, это нивелирует риски для национальных финансовых систем. Как видно из исследования АКРА, объем криптовалюты в России составляет 2% денежной массы M2. Если бы весь этот объем «был распределен среди российского населения столь же широко, как иностранные валюты, например, то волатильность их курса оказывала бы влияние на стабильность российской экономики»², и, несомненно, необходимая статистика была бы создана.

Доля криптовалюты в денежной массе M2 в мировом масштабе, а не в масштабах каждой национальной экономики, известна. Так, на 01.11.2017 г. по данным МВФ, M2 Китая составила 25,3 трлн долл., США — 13,79 трлн долл., зоны евро — 12,99 трлн, Японии — 8,65 трлн, России — 0,68 трлн, криптовалюты — 0,19 трлн долл.³. «Отношение совокупной капитализации криптовалюты к общемировому объему денежной массы M2 в процентном выражении составляет 0,5% (к долларовой денежной массе — 17%)»⁴.

Как видим, эта доля существенна, и при условии ее возрастания и менее сконцентрированного владения сможет заинтересовать финансовые институты в ведении необходимой статистики. Вопрос же о том, будет ли возрастать доля криптовалюты в денежной массе, остается открытым. Объем капитализации криптовалют подвержен высокой волатильности. Неясно также, будет ли увеличиваться число владельцев криптовалют. Будет ли устранена вторая причина отсутствия статистики в ближайшем будущем, неизвестно. Но первая причина — анонимность пользователей — скорее всего, будет устранена.

В самом деле, контроль за криптовалютами имеет тенденцию усиливаться. Например, 15 декабря 2017 г. все члены ЕС одобрили решение об обязательной идентификации пользователей криптовалютных бирж. Данное решение было принято в рамках осуществления политики по борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным способом и для противодействия финансовому терроризму. Пятая директива Евросоюза по борьбе с отмыванием денег (5AMLD), содержащая данное требование, вступила в силу 10 января 2020 г.

Появятся ли в скором времени факторы, способствующие развитию статистики, которая могла бы обнаружить основной инструмент измерения доверия, неизвестно. Даже с учетом того, что такая сложность, как анонимность пользователей криптовалюты, преодолима.

Однако если такие факторы появятся, социологи, возможно, получат в свое распоряжение институциональный инструмент измерения доверия общества к государству.

Использование показателя доли криптовалюты в общей денежной массе в качестве инструмента измерения доверия позволяет провести объективный анализ

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. АКРА ссылается на сайт МВФ и ресурс биткойна Coin.Dance.

⁴ Там же.

с помощью экономических, финансовых показателей с тем, чтобы дать им социологическую оценку и выработать рекомендации для создания технологий управления доверием.

При отсутствии соответствующей статистики возможно использование косвенных показателей, характеризующих спрос на криптовалюту, в том числе и со стороны государства. Например, легализация криптовалют и наличие государственной криптовалюты.

Выводы

1. Доля фиатных денег в денежной массе является прямым и объективным инструментом измерения доверия, в отличие от социологического метода опроса, который является прямым, но не вполне свободным от степени вовлеченности исследователя в те же детерминанты, которые он исследует, и от методов экономических критериев, являющихся объективными, но косвенными. Кроме того, этот инструмент выигрывает по сравнению с экспериментальным способом измерения доверия, который является слишком условным.
2. На сегодняшний день статистических данных о доле криптовалюты в денежной массе в страновом разрезе не существует, но есть вероятность, что в ближайшее время такие данные появятся.

Литература

1. Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. М. : ПЕР СЭ, СПб. : Университетская книга, 2000.
2. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 2–22.
3. Вахтина М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Научные труды ДонНТУ. Сер.: Экономическая. 2011. № 1 (40). С. 41–47.
4. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 707–736.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1995. С. 391–532.
6. Качакишвили И. Проблема объективности в социальных науках // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2009. № 1. С. 5–16.
7. Криволюков В. В. Методологические основания социологического исследования доверия как фактора консолидации российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Социологические науки, 2013. № 1. С. 79–83.
8. Лобанов Н. Н. Эффективность социальных программ как фактор доверия населения к органам власти : дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
9. Меркулова Т. В. Экспериментальный и социологический метод измерения доверия // Научные труды ДонНТУ. Сер.: Экономическая. 2014. № 1. С. 139–148.
10. Сысоев С. А. Основные подходы к исследованию социального капитала // Научные труды ДонНТУ. Сер.: Экономическая. 2006. Вып. 103–104. С. 14–19.
11. Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? // Государственное управление. Электронный вестник. № 54. Февраль 2016. С. 130–145.
12. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 129–149.
13. Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory). Ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
14. Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory. Ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
15. Berg J., Dickhaut J., McCabe K. Trust, Reciprocity and Social History // Games and economic behavior. 1995. N 10. P. 122–142.
16. Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkley : University of California Press, 1969.
17. Cox J. C. How to Identify Trust and Reciprocity // Games and Economic Behaviour. 2004. Vol. 46. P. 260–281.

18. Cox J. C., Sadiraj K., Sadiraj V. Implications of Trust, Fear and Reciprocity for Modeling Economic Behaviour // *Experimental Economics*. 2008. Vol. 11. P. 1–24.
19. Eagleton T. *After Theory*. N.Y.: Basic Books, 2003.
20. Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. N.Y. : Simon and Schuster, 1996.
21. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. NJ : Prentice-Hall, 1967.
22. Glaeser E. L., Laibson D., Scheinkman J. A., Soutter C. L. Measuring trust // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. N 115 (3). P. 811–846.
23. Harvey D. *Postmodernism* // *Contemporary Social Theory*. Ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
24. Jonson N. D., Mislin A. A. Trust games: a Meta-analyses // *Journal of Economic Psychology*. 2011. N 32. P. 865–889.
25. Lyotard J.-F. *The postmodern condition: A report on knowledge*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
26. Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // *Sociology*. Vol. 27. N 4. November 1993.
27. Naef M., Shupp J. *Measuring Trust: Experiments and Surveys in Contrast and Combination* / IZA Discussion Paper N 4087. March 2009.
28. Parsons T. *Economy and Society*. N.Y., 1956.
29. Parsons T. *The Structure of Social Action*. N.Y., 1968.
30. Robinson W. S. The logical Structure of Analytic Induction // *American Sociological Review*. 1951. N 6. Vol. 16. P. 812–818.
31. Rosaldo R. Subjectivity in social analysis // *The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory)*. Ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
32. Weber M. *The Methodology of the Social Sciences*. Edward Shits and Henry Finch (eds.). N.Y. : Free Press, 1949.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Aron R. *Introduction to the philosophy of history: Essay on the boundaries of historical objectivity* / *Selected works. Introduction to the philosophy of history*. SPb. : Universitetskaya kniga, 2000. (In rus)
2. Bauman Z. Philosophical affinities of postmodern sociology // *Problems of sociology [Voprosy soziologii]*. V. 1. N 2. 1992. P. 2–22. (In rus)
3. Vachtina M. A. Confidence in the State as a factor in improving its effectiveness // *Scientific works of Donezk National Technical University. Ser.: Economics*. 2011. N 1 (40). P. 41–47. (In rus)
4. Weber M. *Science as a vocation and profession* / *Selected works*. M. : Progress, 1990. P. 707–736. (In rus)
5. Durkheim E. *Method of sociology / On the division of Social Labour*. M. : Nauka, 1990. P. 391–532. (In rus)
6. Kachkachishvili I. The problem of objectivity in the social sciences / *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Sociology*. 2009. N 1. P. 5–16. (In rus)
7. Krivopuskov V. V. Methodological foundations of sociological research of trust as a factor of consolidation of Russian society // *Humanities, socio-economic and social sciences [Humanitarnye, socio-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki]*. Series: Sociological sciences. 2013. N 1. P. 79–83. (In rus)
8. Lobanov N. N. Effectiveness of social programmes as a factor of public confidence in the authorities. Dissertation of candidate of sociological sciences. M., 2005. (In rus)
9. Merulova T. V. Experimental and sociological method of measuring trust // *Scientific works of Donezk National Technical University. Ser.: Economics*. 2014. N 1. P. 139–148. (In rus)
10. Sysoev S. A. Main approaches to social capital research // *Scientific works of Donezk National Technical University. Ser.: Economics*. 2006. Vol. 103–104. P. 14–19. (In rus)

11. Chernizina E.N. Political trust: how to measure it? // Public administration [Gosudarstvennoe upravlenie]. Electronic bulletin. N 54. February 2016. P. 130–145. (In rus)
12. Fukuyama F. Social capital // Culture matters. How values contribute to social progress. M. : Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002. P. 129–149. (In rus)
13. Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory). Ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
14. Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory. Ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
15. Berg J., Dickhaut J., McCabe K. Trust, Reciprocity and Social History // Games and economic behavior. 1995. N 10. P. 122–142.
16. Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkley : University of California Press, 1969.
17. Cox J.C. How to Identify Trust and Reciprocity // Games and Economic Behaviour. 2004. Vol. 46. P. 260–281.
18. Cox J.C., Sadiraj K., Sadiraj V. Implications of Trust, Fear and Reciprocity for Modeling Economic Behaviour // Experimental Economics. 2008. Vol. 11. P. 1–24.
19. Eagleton T. After Theory. N.Y. : Basic Books, 2003.
20. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y. : Simon and Schuster, 1996.
21. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. NJ : Prentice-Hall, 1967.
22. Glaeser E.L., Laibson D., Scheinkman J.A., Soutter C.L. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. N 115 (3). P. 811–846.
23. Harvey D. Postmodernism // Contemporary Social Theory. Ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
24. Jonson N.D., Mislin A.A. Trust games: a Meta-analysis // Journal of Economic Psychology. 2011. N 32. P. 865–889.
25. Lyotard J.-F. The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
26. Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // Sociology. Vol. 27. N 4. November 1993.
27. Naef M., Shupp J. Measuring Trust: Experiments and Surveys in Contrast and Combination / IZA Discussion Paper N 4087. March 2009.
28. Parsons T. Economy and Society. N.Y., 1956.
29. Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1968.
30. Robinson W.S. The logical Structure of Analytic Induction // American Sociological Review. 1951. N 6. Vol. 16. P. 812–818.
31. Rosaldo R. Subjectivity in social analysis // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory). Ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
32. Weber M. The Methodology of the Social Sciences. Edward Shits and Henry Finch (eds.). N.Y. : Free Press, 1949.

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanasenko2008@mail.ru